

Корреспондент газеты «Владивосток» Николай Кутенких взял интервью у писателя Виктора Слипенчука.

24.01.2018 г.

– Николай Николаевич, прежде чем начну отвечать на вопросы, присланные вами, хочу поблагодарить вас за публикацию моих новых стихотворений в информационном агентстве «Приморье24»! Большое-большое спасибо! И всё же, говоря дипломатическим языком (любой другой не подходит), публикация, а точнее, не публикация моего ироничного стихотворного репортажа «Игра» (от 03.12.2017) вызвала у меня искреннее разочарование. Тем более что вы сами, Николай Николаевич, являетесь признанным мастером репортажа, с чем я весьма и весьма согласен.

Впрочем, если читателей газеты «Владивосток» заинтересует мой репортаж «Игра» о выборах президента нашей страны, практически начавшихся (07.11.2017), его можно прочесть на моём сайте.

ПИСАТЕЛЬ И МОРЕ

Интервью

1. Расскажите, пожалуйста, о вашем детстве и юности в Черниговке, а также об общении с лётчиками гарнизона, воевавшими в небе Северной Кореи.

– Хорошо помню – сижу под столом за баррикадой из стульев. На баррикаде солдатское одеяло. Я располагаюсь на вытертом до проплешин кожухе. Мой неприятель – это холодный воздух, который белым облаком вваливается в избу, когда кто-нибудь снаружи

открывает дверь. Слышу – кто-то на крыльце оббивает валенки. Скрип половиц в сенях – затаиваюсь. Сейчас откроется входная дверь, и морозный воздух, клубясь, обрушится на баррикаду и, отпрянув, как табун лошадей, начнёт обтекать моё укрепление с обеих сторон.

Дверь открылась и долго не закрывалась. Я прилёг. Табун лошадей живой волной накрыл моё укрепление. Что-то не так?! Я выскочил из-под стола и обомлел. Из кухни выбежала мама. Отец опустил на пол завёрнутое в платки и овчину живое существо. Мама присела и, разболакивая существо, что-то ласково повторяла, как бы причитая. Я стоял, но меня не было. Если бы меня кто-нибудь толкнул – я бы разлетелся, как стекляшки в калейдоскопе. Я видел только глаза, испуганные и неподвижные, словно бы окоченевшие.

Наконец, мамино причитание: «Доча, доча, былиночка!..» стал различать как дуновение мамино тепла. И кстати, когда овчина и узлы платков упали на пол, я увидел действительно тоненькую былиночку. Наголо стриженная и босая, одетая в короткую мешковину, с выплёскивающимися на плечи иероглифами, былиночка походила на мальчика, а мальчик – на длинноногую цаплю.

– Вот, – сказал отец, глядя на нас сверху. – Это Лара, Лариса.

Мама опять запричитала, и отец, как бы давая нам запомнить имя, повторил:

– Лара, Лариса. Теперь, Лара, у тебя есть мама. Ты, Лара, дома. Ты здесь будешь жить, а на следующий год пойдёшь в школу.

Отец замолчал, а я продолжал стоять как вкопанный.

– А это Виктор Трифионович, твой младший брат – Витя, – сказал отец, и запас слов у него истощился.

С моим именем по лицу Лары промелькнуло внезапное удивление – глядя на меня, она не верила своим глазам. Я

чувствовал, что отец не случайно так необычно представил меня – что-то очень важное надо было сделать.

Мама сгрэбла овчину и узелки платков и, открыв дверь, выбросила их в сени. Морозный воздух обдал меня с ног до головы. Я подошёл к Ларе и, взяв за руку, твёрдо сказал – пойдём. И напрямиком, не сгибаясь, пошёл под стол. Сестре пришлось пригнуться. По ногам родителей мы увидели, что они пошли на кухню, оставив нас самим себе.

– Лара, тебе очень повезло, что я твой брат. Смотри, – я вытащил из-под козуха тёмно-зелёный холщовый мешочек, – это американские галеты. Я давно думал, кому бы их подарить?! Бери! Они твои, потому что я – твой брат.

Больше ничего не помню. И, наверное, позабыл бы об этом факте. Но много лет спустя Лариса Трифионовна напомнила мне о нём. И мы даже прослезились: какие мы были дураки!

До появления Лары я считался у мамы самым младшим – шестым ребёнком. А с появлением Ларисы – стал седьмым.

Общение с лётчиками, воевавшими в Северной Корее, у меня и моих сверстников (в связи с нашим возрастом – дети военных лет) было односторонним. Мы смотрели на лётчиков, как на героев. А они, сами недавние школьники, смотрели на нас, как на пацанов со своей улицы. Фрагменты этого общения есть в небольшой повести «Смеющийся пупсик», изданной и у нас, и за рубежом. В прошлом году на творческом вечере в ЦДЛ (Центральном доме литераторов) ко мне подходил чрезвычайный и полномочный посол Японии в России Тоёхиса Кодзуки, он сказал, что читал мою повесть на японском языке и она ему понравилась. Фрагменты общения с лётчиками черниговского аэродрома, у которого я родился и вырос, можно найти в рассказах «Волшебство вещей» и «Цветные

карандаши». Они опубликованы на сайте www.Slipenchuk.ru. Мне представляется, что лучше будет, если я расскажу читателям газеты «Владивосток» о факте начала войны с Японией. Тем более что в письменной форме никогда его не излагал, а вот в устной – доводилось, но об этом позже.

Тогда я ходил в детсад колхоза имени РВС (Реввоенсовета) в среднюю группу. Детсад располагался возле шоссе. В тот день было пасмурно, но тепло – накрапывал летний, почти незаметный дождик. Мы были рады дождику, потому что на песке можно было строить всё, что захочешь. Где-то в полдень со стороны рисо завода раздался гудок. Поначалу мы не обратили внимания. Думали, там какая-то пересмена, но гудок усилился и гудел, и гудел. Наконец он овладел нашим воображением, и мы побежали к забору, чтобы посмотреть на рисо завод – почему гудок такой нескончаемый?!

Мы залезли на забор, но даже не посмотрели в сторону рисо завода, потому что по шоссе со стороны поселения, непосредственно Черниговки, в сторону железнодорожной станции Мучная шли моряки. В бескозырках с якорями на лентах, в тёмных нараспашку фланельках, опоясанные ремнями с бляхами, они выходили из-за поворота и шли, и шли... и возле нас как бы сливались гудком, потому что их строй тоже был нескончаемым. Мне запомнились бросающиеся в глаза тельняшки, красные звёзды на бескозырках, автоматы на груди и чуть сбоку от бляхи длинные кинжалы в металлических ножнах с булюмбушками на конце. И ещё серьёзность, с которой моряки поглядывали на нас, облепивших забор.

Внезапно появилась наша воспитательница Мария Васильевна и строго приказала, чтобы мы немедленно собрались в самой главной комнате, в которой нас собирали на праздники Первое мая,

Седьмое ноября и Новый год.

Мы собрались. За небольшим столом сидел военный. С орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», он был в солдатской гимнастёрке – без погон. Мы его не сразу узнали – Некрасов, контуженый. Он иногда привозил в детсад фляги с молоком и обратом, и мы его очень боялись, потому что, разговаривая, он вдруг зло морщился – нос и губы стягивались в жуткую гримасу, обнажая передние зубы до дёсен. В такой момент он был похож на оскалившийся череп. Гримаса через какое-то время повторялась, но всегда казалась неожиданной и страшной.

На столе перед ним лежала пара больших меховых рукавиц. Обтянутые зелёным сукном, они не привлекали внимания. Некрасов спросил:

– Слышали гудок рисо завода?

– Да-а! – хором ответили мы.

– Видели военных моряков?

– Да-а!

– Сегодня началась война с Японией, – негромко, но с силой сообщил он. – Моряки пошли на войну. Будут драться с японской Квантунской армией – это здесь рядом, за озером Ханка. – Некрасов неожиданно и страшно сморщился, стало совсем тихо. – Вот рукавицы, каждый пусть наденет и хорошо посмотрит на них.

Мария Васильевна взяла рукавицы и, отдав нам, следила, чтобы каждый из нас не баловался.

– Пусть балуются, – разрешил Некрасов и подсказал, что под большим пальцем есть круглая дырочка, из неё, если помочь изнутри, можно вытянуть ещё один маленький матерчатый пальчик – этаким скрытым зайчишка.

Многие засмеялись, но не все. Рукавица была как меховое дупло. А *скрытый зайчишка*, когда я надавил на него изнутри,

высунулся из дырочки, словно птичка. «Чижик-пыжик, где ты был?» – невольно вырвалось у меня, и все сразу отозвались, потому что эту песенку мы часто пели в нашем детсаде. Нами овладело веселье. Мы стали баловаться и на какое-то время позабыли обо всём.

– Все посмотрели?! – спросила Мария Васильевна и, забрав рукавицы, положила обратно на стол.

– Это необычные рукавицы. Это рукавицы солдата японской Квантунской армии, – сказал Некрасов и, надев рукавицу, подёргал матерчатым пальчиком. – А этот «чижик-пыжик» для того так хитро пришит, чтобы японец и в лютый мороз мог, не обмораживая рук, надавливать и надавливать на курок...

Он неожиданно сморщился. А когда приступ прошёл, повторил:

– Надавливать и надавливать, чтобы убивать и убивать нас!

Он снял страшную рукавицу и, оторвав матерчатый пальчик, потёр им свой орден и медаль «За отвагу». В комнате стало до того тихо, что мы вновь услышали нескончаемый гудок рисо завода – война! Война с Японией.

Приблизительно в 2008 году, а может быть чуть позже, к нам на квартиру в Москве нагрянули молодые японские корреспонденты телевизионной компании NHK (Эн-Эйч-Кей) – два парня и одна девушка. Они проводили съёмки в финансовой компании «Метрóполь». Естественно, их интересовал Миша, мой сын, который основал эту компанию. Заглянули и к нам, родителям. Галина Михайловна (моя жена) на скорую руку приготовила стол, и я, как водится в таких случаях, водрузил на него бутылку водки. В общем, разговор получился непринуждённым – они нас спрашивали, мы отвечали.

Мне доводилось встречаться с японцами в советские времена,

когда был первым помощником капитана на СБМРТ «Давыдов». У нас есть хорошая пословица: «У кого что болит, тот о том и говорит». И японцы в данном случае не исключение – очень похожи на нас. Чуть начинается неформальная беседа – сразу поворачивают разговор на свою болезную тему: северные японские территории. Так получилось и на этот раз. Старший их группы, всё время практически молчавший и только изредка как бы резюмировавший вопросы коллег, вдруг спросил:

– Скажите, вы помните, как началась война между СССР и Японией – какая была государственная пропаганда?

Ну я и рассказал о контуженном Некрасове, о рукавицах солдат Квантунской армии с хитро пришитым матерчатым пальчиком, чтобы нажимать и нажимать на курок – и убивать и убивать нас.

Разговор на какое-то время сломался, а потом старший группы сказал, что после такой пропаганды бывшего простого солдата из народа никакая государственная пропаганда не нужна, но как-то же надо решать вопрос о территориях?! Мы – соседи.

Насколько мне известно, телерепортажи NHK о компании «Метрополь» корреспонденты сделали на высоком профессиональном уровне, а по содержанию репортажи были, скажем так, добрососедскими. Моего сына стали узнавать на улицах Токио. Во всяком случае, в 2010 году на 8-м Международном кинофестивале стран АТР «Меридианы Тихого», проходившем во Владивостоке, в кулуарах к нему, как к родственнику, подбежала критик по российскому кино Тие Оги. Она узнала Мишу по телевизионным репортажам NHK, транслировавшимся по всей Японии. На моём сайте в разделе «Фото и видео» в рубрике «Меридианы Тихого» есть фото Тие Оги и Миши. Думаю, что на пути добрососедства мы только и сможем прийти к какому-то

обоюдновыгодному согласию.

2. Расскажите, пожалуйста, о вашем морском периоде в Приморье: на чём и куда ходили, что ловили и как тогда платили, с какими людьми в экипаже были, почему ушли на берег.

– Мой морской период, не начавшись, прервался. То есть, подав документы в мореходное училище в Находке, я не прошёл медкомиссию (на ушных перепонках нашли какие-то рубцы). Впрочем, я с детства мечтал стать писателем: и учёба в институте, и работа зоотехником, и армия, и работа в геологических партиях, и работа рыбаком океанического лова и рыбоводом, и всесоюзная стройка Алтайского коксохима – всё это были ступеньки, чтобы стать настоящим писателем. Именно настоящим. В рассказе «Сладкое шампанское» (его тоже можно найти в Интернете) я, как мне кажется, приблизился к чувству – что такое настоящий писатель.

Перед морями работал на Барнаульской телестудии старшим редактором программ «Земля Алтайская» и «Молодость». Тем, кто не знает, скажу, что в советские времена старшим редактором мог быть только член КПСС. На телестудии я был принят в партию, и у меня всё было относительно хорошо. Относительно, потому что возникла угроза моей мечте стать писателем. Были и другие нюансы, и я отпросился у жены уйти на полгода в моря. Она отпустила, находясь в декретном отпуске. Так получилось, что в её первый декретный меня забрали в армию – родился Миша. Во второй – родилась Наташа. Мы как раз шли на пассажире «Мария Ульянова» в Ванкуверо-Орегонскую банку промыслять хека, и вдруг радиограмма – родилась дочь. Опять же обо всём этом есть в повести «За мысом Поворотным».

В общем, с пассажира я попал на БМРТ «50 лет ВЛКСМ». Мой

первый рейс на этом судне затянулся на восемь месяцев. За время пугины довелось пройти путь от матроса фабрики: фасовщика, выбивальщика и машиниста РМДУ (рыбомучная дробильная установка) – до матроса палубы и руля. В 2016 году в издательстве «Эксмо» вышла моя книга «Просверк клинка», её открывает одноимённый очерк о том, из чего и как складывается жизнь рыбака океанического лова. Правда, там нет ничего об оплате труда.

Не знаю, как сейчас, а в начале 70-х XX века была тарифная сетка – так мы это называли. Матрос фабрики имел коэффициент 08, матрос палубы и руля – коэффициент один. У капитана-директора БМРТ был коэффициент 2,5. У старпома, первого помощника и ведущих начальников служб – 2. У остальных членов комсостава – не ниже 1,5. Все деньги, заработанные командой за пугину, делились в соответствии с коэффициентом твоей должности, обозначенной в судовой роли. Это был так называемый «грязный» заработок – и по судну, и по расчёту на каждого члена команды. По приходе в порт бухгалтер судна связывался с бухгалтерией управления. В моём случае – с УАМР, Управлением активного морского рыболовства (порт приписки Находка). Управление, находясь на берегу, следило за всеми денежными операциями моряков-рыбаков, находящихся в море. Учитывали и подоходный налог, и холостяцкий, и задолженности в магазинах за покупки в рассрочку, и алименты, и прочее, прочее. Лично я, уходя в моря, дополнительно заполнял почтовые извещения на ежемесячную отправку денег из моего заработка – жене и родителям. Потом все эти индивидуальные задолженности судовой бухгалтер списывал с заработка, и вы получали какую-то сумму денег «чистыми». Сумма за несколько месяцев получалась вроде бы неплохой. Но и не жирной. А если учесть, что в моря завербовывались молодые люди после армии и некоторые не выдерживали морской жизни – шторм, штиль,

безрыбье – и списывались на берег в течение двух-трёх месяцев, то они и вовсе оставались должниками управления.

Вот наш президент как-то обмолвился, что он работает, как раб на галерах. По романтическим книгам и фильмам представляю – тяжёлая работа. И всё же её нельзя сравнить с работой машиниста РМДУ тех лет (в простом обиходе – мукомола). Работу мукомола, когда рыба идёт валом и фабрика не успевает обрабатывать сырец, можно сравнить только с работой в аду. Работаешь в плавках, и кровь, и пот, и удушающая чадящая вонь свежей рыбной муки в практически герметическом трюме – всё оттуда, из геенны огненной. Мне потом говорили, что в другом рейсе капитан «50 лет ВЛКСМ» Беляев часто вспоминал меня, мол, по два, по три матроса ставим мукомолами, и они не выдерживают, а как же тот, член КПСС (то есть я), один справлялся?!

Да, справлялся. И матросов не удивляло, как я, грубо говоря, вкалываю – пашу. Их больше удивляло: надо же, член КПСС – мукомол! Это никак не вписывалось в их представления. Это было круче анекдота, тогда бывшего в ходу: еврей – грузчик! И главное, я не мог никому рассказать, что ещё вчера был одним из ведущих тележурналистов Барнаульской телестудии, потому что это было бы ещё круче, чем член КПСС – мукомол!

Меня, конечно, в парткоме УАМРа сразу после первого рейса заметили. Не могли не заметить, потому что, когда на пассажире ушёл в отпуск первый помощник капитана нашего судна, он же партсекретарь (в среде матросов у него была кличка Ученик Карацупы), меня избрали секретарём парторганизации судна. Я не хотел, прямо на собрании сказал, что не умею мораль читать и здесь нахожусь, чтобы пахать, – беру полный самоотвод.

Помню, сидим мы за длинным столом в кают-компании, как члены политбюро ЦК КПСС (нас, коммунистов, на судне было

человек двенадцать – пятнадцать), а капитан Беляев ходит вдоль стола, как Иосиф Виссарионович Сталин, – только что трубку не покуривает. И вдруг говорит – а нам такой секретарь парторганизации и нужен, чтобы не читал мораль, а пахал наравне со всеми. Избрали единогласно.

На мою работу матроса добычи (я уже работал на палубе) это никак не повлияло, а на берегу меня вызвали в управу, так мы говорили, разбираться с членскими взносами. И вдруг заходит первый секретарь парткома УАМРа – Виталий Владимирович Павлов. Остановился возле нас и спрашивает меня: готов опять идти в моря? Отвечаю: хоть сейчас! А меня как раз обворовали, причём полностью. Весь мой заработок за путину испарился, не на что даже было в Тару смотаться. Жена родила дочь в Таре, у своей мамы, в завалюхе – они были репрессированными кулаками, а отец умер. Мой ответ как-то очень взбодрил первого, говорит, мол, зачем сразу, слетай домой на недельку, а там – посмотрим.

Занял денег, слетал и в том же месяце опять ушёл в моря. Ушёл на БМРТ «Надеждинск» уже в должности первого помощника капитана. Моим капитаном в этой новой моей должности был Василий Прокопьевич Черкасов. Замечательный человек и капитан. Настоящий моряк-рыбак. Он очень гордился своей профессией. Говорил, что утверждение «рыбаки – дважды моряки» принадлежит Иосифу Виссарионовичу Сталину. Я научился у него жить морем. Жить так, как живёт своим полем крестьянин. Море и стихия и хлебное поле облагораживают человека, заставляют избегать фальши.

В дневнике «За мысом Поворотным» я немножко рассказываю о Василии Прокопьевиче Черкасове. Но в целом дневник посвящён команде СБМРТ «Давыдов», на который попал после «Надеждинска». «Надеждинск» благодаря Василию Прокопьевичу

Черкасову тогда звенел, был на устах – мы перевыполнили все планы по улову пристипомы, а потом и скумбрии. Район лова пристипомы – Гавайи, а скумбрии – поближе к Японии со стороны Тихого океана. Наш БМРТ «Надеждинск» после путины встречали с духовым оркестром, таков был обычай – встречать передовиков социалистического соревнования непременно с духовым оркестром.

Меня направили на учёбу во Владивосток при крайкоме КПСС на четыре месяца. Я часто летал домой в Барнаул, впервые за два года морей пожил человеческой жизнью. Познакомился с писателем Георгием Георгиевичем Халилецким (попал к нему на семинар молодых писателей Дальнего Востока), он был в восторге от моих коротких рассказов – впоследствии дал мне рекомендацию для вступления в члены СП СССР. В парткоме УАМРа тоже всё было отлично. Подказали, чтобы справил форму первого помощника капитана. Так что я вернулся в Находку, как новенький чемоданчик – кокарда блестит, галуны блестят, пуговицы с якорями, упакован, живи – не хочу! Второй секретарь УАМРа, кажется, Седякин посмотрел на меня:

– А ты ведь у нас ещё официально не проведён первым помощником капитана. Собирайся, через три дня автобусом поедem во Владивосток, в крайком партии на утверждение. Быть в форме, отвечать чётко, все вопросы и ответы стенографируются.

Нас, таких не утверждённых, оказалось человек шесть или восемь, плюс столько же парткомовских из УАМРа сопровождали нас вместе с Седякиным, серьёзная процедура – утверждение.

Приехали, а там народу из других морских управлений понаехало – под завязку. Поставили нас в очередь – и началось. Три минуты проходит, выскакивает из кабинета утверждённый – первый помощник или другой какой-нибудь номенклатурный работник. К

нему со всех сторон подбегают сопровождающие, радостно поздравляют – ура! А если кто-то задержался в кабинете более трёх минут, это первый и явный признак – не утвердили. К такому не подбегают и даже отворачиваются без всякого сочувствия. И не утверждённый уже сам ретируется по лестнице вниз, на выход.

Из нашей группы я зашёл на утверждение третьим. Так распорядился Седякин. Захожу – просторный зал, за столиками в два ряда сидят писари. Один столик у двери пустой, меня приглашают сесть за столик – сажусь. За главным столом сидит второй секретарь крайкома Гульченко, а рядом боком к торцу стола, закинув ногу на ногу, сидит контр-адмирал. Они о чём-то вполголоса переговариваются. Писарь объявил меня – бодро встаю. Гульченко переспросил фамилию. Я ответил и незаметно взглянул на часы, основная мысль была – уложиться в три минуты. Второй секретарь коснулся моей последней путины – где, когда, последнее место работы перед морями. Отвечаю чётко, как в армии. Контр-адмирал заинтересовался – о, через Гонолулу в Барнаул! Спрашивает – служил на флоте? *Никак нет, товарищ адмирал, служил в Белоруссии в бронетанковых войсках.* Контр-адмирал поворачивается к писарям: а я что говорил – служил на флоте. Писари строчат – записывают, что начальство говорит. Гульченко усмехнулся, спрашивает – доводилось ли прыгать с парашютом? *Никак нет.* Контр-адмирал тоже усмехнулся: мы сейчас своих пехотинцев сеем без парашютов на бреющем. Где семья, где живёшь? *Семья в Барнауле. А я – на БМРТ «Коммунист», на ремонте.* Гульченко: когда-то звенел «Коммунист», разросся УАМР, а сейчас ещё и нефтеналивной флот будем организовывать. Контр-адмирал: почему семью не перевозишь в Находку? *Квартиры нет.* Мельком взглянул на часы – десять минут прошло. Контр-адмирал повернулся к писарям – запишите: дать квартиру. Гульченко и

контр-адмирал вполголоса между собой: через год, минимум два можем послать в ВПШ. Они беседуют, а часы тикают. Контр-адмирал ласково взглянул на меня, блестевшего, как новенький чемоданчик: ну ладно, моряк, иди, ты свободен. *Слушаюсь, товарищ адмирал!* Выскакиваю из кабинета, а ко мне никто не подбегает. Разом наклонили головы над документами, следующего по списку – бывшего второго секретаря какого-то крупного завода подготавливают, сейчас вызовут. Я на лестницу и вниз – ничего не могу понять, утвердили меня или нет?! Как-то вдруг всё смешалось. Там, на утверждении, вроде всё было хорошо, а здесь, в группе наших уамровских, – вроде как не утверждён. Сел на крылечке (необходимость беречь морскую форму отпала) и размышляю: в кино, что ли, сходить (крылечко как раз напротив кинотеатра «Родина»). Нет, нельзя – в любом случае в Находку надо возвращаться вместе, на уамровском автобусе.

Не помню, сколько сидел, кажется, всю свою жизнь перебрал, мне тогда ещё не было тридцати. Вдруг выходят наши уамровцы толпой – а, вот он где?! Сидит хоть бы хны! Радостно обступили, поздравляют: в числе трёх человек по Дальнему Востоку утвердили тебя резервным первым помощником капитана. Спрашиваю: что это такое – резервный?! Седякин ухмыльнулся не хуже второго секретаря крайкома Гульченко – скоро узнаешь. А у нас в парткоме была старая морячка Лилия (отчество позабыл), она весело засмеялась: в переводе на русский «резервный» – это надёжный, надеются на тебя, что ты не подведёшь.

На следующий день вызывают к первому секретарю парткома Виталию Владимировичу Павлову. А у него в углу кабинета стоял выше его роста сейф. Открывает он его, достаёт увесистую папку.

– Твои документы: партбилет, гражданский паспорт, личный листок и так далее, включая утверждение резервным, – будешь

смотреть?

– Не буду. Меня интересует, резервный первый помощник – это кто?

– Это ты, – сказал Виталий Владимирович, улыбаясь и пряча папку обратно в сейф. Пригласил сесть поближе к столу. – Мне сказали, что ваша Лилия (*он перешёл на «вы»*) прямо в автобусе вам всё доходчиво объяснила.

Кабинет неожиданно наполнился зуммером коммутатора, стоявшего на тумбочке рядом с креслом. Виталий Владимирович не торопясь поднял трубку – зуммер исчез. В основном он слушал, в конце разговора сказал: «Понятно-понятно», – и положил трубку.

Он объяснил, что звонил начальник УАМРа Николай Исаакович Котляр. Судно СБМРТ «Давыдов», на которое я назначен первым помощником капитана, несколько дней назад вышло из Кейптауна и взяло курс на Сингапур. У них в экипаже произошли какие-то непонимания, много всевозможных противоречивых сообщений, и мы решили послать вас в Кейптаун подменить первого помощника. Там хороший партиец, но уже в годах, а экипаж подменный, разнокалиберный.

Буря пронеслась в моей голове. Слова контр-адмирала «мы сейчас своих пехотинцев сеем без парашютов на бреющем» приобрели ясный и понятный смысл. Усилием воли подавил радостный восторг – *вот где настоящая золотая жила советской литературы!*

– Виталий Владимирович, пусть меня только доставят. Мне приходилось в морях и на «50 лет ВЛКСМ», и на «Надеждинске» перебегать с судна на судно по кранцам до швартовки с выброской в руках.

– Да знаю я всё, как ты на сухогруз перескочил! Благодарю Василия Прокопьевича Черкасова, что он твоей эквилибристики не

подтвердил. В общем, иди, знакомься с капитаном Геннадием Ивановичем Протерским, они с Черкасовым начинали с юнг, вместе ШМО – Школу морского обучения заканчивали. – Озабоченно помолчал. – Через три дня надо всему экипажу в 96 человек быть в Москве, а оттуда самолётом в Сингапур. Смените подменный экипаж – и в район лова.

В дверях остановил.

– Личный пример не отрицаю, но только как вынужденную необходимость. Да, контр-адмирал звонил Николаю Исааковичу, они друзья. Сказал передать, чтобы ты бросил своё писательство. Нацарапаешь что-нибудь не то – никто не спасёт. В краевой газете тебя упомянули как главное литературное открытие. Якобы твои рассказы взяли в журнал «Москва».

Меня слова контр-адмирала задели за живое. Такой хороший мужик – грубоватый, смахивающий на землепашца при адмиральских погонах. И вдруг...

– У каждого своя жизнь, – буркнул я в расчёте, что секретарь парткома не услышит.

Но он услышал и весело согласился:

– Эт... точно! (Тогда среди моряков-рыбаков набирал популярность кинофильм «Белое солнце пустыни».)

Уход из морей стал целой эпопеей. Не отпускали. Но если кратко – ушёл по той же причине, что и с телестудии. Стал опасаться, что становлюсь профессиональным моряком. А я хотел стать профессиональным писателем. На Алтае жил такой поэт – Павел Маштаков. В одном из своих стихотворений он буквально в одной строчке выразил тогдашнее отношение к любительству в литературе, которое официально приветствовалось и которое он сам разделял: «...Землю попашем, попишем стихи!» Я так не умел. Мне ближе был завет Константина Георгиевича Паустовского: хороший

писатель – прежде всего хорошая биография. После морей два года работал инженером-рыбоводом, разводил рыб, в основном карпов, – икринки, сеголетки, двухлетки. Потом пять лет работал на Алтае – Всесоюзная ударная комсомольская стройка «Коксохим». Но я отвлёкся.

3. Как Приморье и его жители отразились на вашем творчестве?

4. Как ваше нынешнее творчество соотносится с Приморьем – темы, сюжеты, исторические герои?

– Мне представляется, что на эти вопросы (третий и четвёртый) я невольно уже ответил. Могу только повторить, что морские произведения собраны в книге «Просверк клинка», изданной в 2016 году издательством «Эксмо». Там впервые опубликован дневник пассажира – «Ждите нас дома, когда распустятся листочки», который опубликован только сейчас, спустя двадцать пять лет. Я вёл его на теплоходе «Борис Жемчужин» Балтийского морского пароходства и надеялся, что записи пригодятся для какого-нибудь литературного произведения, но страна рухнула, и я в него не заглядывал. Писал его шариковой ручкой, разными по цвету стержнями, а когда прочёл, увидел, что дневник написан в форме документальной прозы. Единственное, что сделал перед публикацией, – перепечатал его и отредактировал. Есть такой хороший писатель Алесь Кожедуб, мы вместе учились на ВЛК – Высших литературных курсах, так вот он, прочитав мою книгу «Просверк клинка», сказал, что такая документальная, очерковая проза не только обогащает художественную литературу, но своей правдивостью изменяет вообще сегодняшнюю литературу. Ссылаюсь на Алеся Кожедуба потому, что его суждение дорогого стоит для меня. Учась на ВЛК, мы привыкли, давая оценку произведениям, обходиться без приседаний, без комплиментов. Главным был и

остаётся пушкинский подход – писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным.

Непосредственно о событиях, происходивших в селе Черниговка, написано в повести «Смеющийся пупсик», рассказах «День Победы», «День возвращения», «Похоронка». Присутствует Черниговка и в сравнительно недавних рассказах «Крылатый боевой конь», «Волшебство вещей», «Цветные карандаши». Даже в фантастическом романе «Звёздный Спас», в его завершающей части, есть упоминание о Черниговке. Многие из перечисленных произведений можно найти в Интернете или на моём сайте.

5. О вашей новой пьесе. Как скоро вам бы хотелось увидеть её на сцене и где?

– Думаю, вряд ли буду оригинальным, если скажу, что желаю постановки пьесы «Губернатор» как можно быстрее. Всякий драматург желает этого своей пьесе. Особенно если она политически остра и злободневна. Один известный московский режиссёр, ориентирующийся на молодого зрителя, прочитав мою пьесу, сказал (не мне, я с ним не разговаривал), что по стилю «Губернатор» напомнил ему известную гоголевскую пьесу, естественно, с большой сноской в наше время. Режиссёр не сказал, какую именно, но могу предположить, что он имел в виду гоголевскую пьесу «Ревизор», вызвавшую негативную бурю в тогдашних чиновнических кругах. Гоголю повезло, постановку его острой политической пьесы поддержал сам император Николай I. Из свидетельств современников известно, когда пьеса была прочитана, Николай Павлович воскликнул: «Ну, пьеска! Всем досталось, а мне – более всех!» И разрешил ставить «Ревизора», и ходил на постановку пьесы, и смеялся, и аплодировал артистам. Не знаю, найдётся ли такой благодетель в наше время?! Впрочем, всё возможно, было бы

желание выпить шампанского. Почему так говорю? На моём сайте опубликована короткая, но очень ёмкая статья о пьесе «Губернатор» Ольги Яснопольской, в которой она увидела способ нравственного самоочищения. Нужно ли нам нравственное самоочищение? Думаю, ответ известен. И одними «посадками» здесь не обойтись. Вот почему говорю – всё возможно.

Вы спрашиваете – где, на какой сцене хотел бы увидеть? Конечно, в Москве, столице, – я здесь живу. Конечно, во Владивостоке – Приморье моя малая родина. Конечно, на Алтае – все фантастические события, происходящие в пьесе, привязаны к Алтаю (мы, моя семья, прожили там 23 года). Конечно, в Великом Новгороде – прожили в нём 11 лет. Конечно, в Санкт-Петербурге.

Отчётливо помню автовокзал на Обводной, пункт прибытия автобусов из Новгорода. В 90-е там рядом стояло фантастическое по своей претенциозности здание – неухоженное, обветшалое, окна, наполовину заколоченные какими-то фанерками и картонками. Наружные стены со всех сторон обклеены всевозможными рваными афишами и афишками. Какими-то непонятно к кому адресованными кричащими призывами. На здании под самой крышей было крупно выведено красной краской его назначение – ТЕАТР ПРОБЛЕМ. И в этом не было никаких сомнений, потому что во время порывов ветра все эти рваные афиши, объявления и призывы срывались с места, и казалось, здание ощетиливается против очередной им внезапно обнаруженной проблемы, которая тайно прокралась в его владения. Я говорю об этом, потому что в самые тяжёлые годы Питер был и навсегда останется для меня театральной столицей России. Это как печать на все времена. Но что я мечтаю?! Бог даст, любой сцене буду рад. Вифлеем в библейские времена был небольшим поселением, а в нём родился Бог. Главное, заинтересоваться пьесой, а в ней есть что играть талантливым артистам. Может быть, газета

«Владивосток» опубликует отрывок из пьесы «Губернатор», так сказать, для знакомства с творчеством земляка? В своё время владивостокское книжное издательство рассыпало набор моей книжки коротких рассказов, правда, и журнал «Москва» не напечатал, а клятвенно обещал. Ну да ладно. Надеюсь, газета решится напечатать отрывок, поэтому предлагаю и прилагаю к тексту интервью восьмой эпизод пьесы. Всех жителей Приморья поздравляю с наступившим 2018 годом! Желаю всем без исключения, в том числе и себе, крепкого здоровья, личного счастья и благополучия! Семь футов под килем – в добрый путь!

ГУБЕРНАТОР – пьеса для театра в десяти эпизодах

Эпизод восьмой

Губернатор Полозов Дмитрий Тихонович в своём кабинете.
Разговаривает по телефону. Входит в своём обычном замшевом костюме Трапезников. Губернатор, продолжая разговор, жестом указывает на кресло.

Полозов *(в телефонную трубку)*. Спасибо, Наталья Николаевна, за поздравление, точнее за сочувствие, сто дней пролетели, как один день.

Пауза.

Всегда буду рад вашему приезду. До свидания! *(Кладёт трубку.)*

Трапезников. С Забайкальским краем беседовали?

Полозов. Удивительная проницательность!

Трапезников. Ничего удивительного, к сегодняшнему вечеру веду учёт всех правительственных телеграмм. Много поздравлений из Думы РФ. Кстати, Наталья Николаевна –

единственная женщина-губернатор. Ей пятьдесят три года, по нынешним временам вполне молодая.

Полозов. Согласен. Не пенсионерка. Учительница китайского и английского языков... *(Вдруг осёкся – с непониманием смотрит на начальника пиар-отдела.)* «Молодая»?! Лев Арнольдович, вы что имеете в виду?

Трапезников. Президент Франции Макрон тоже женился на своей учительнице, и у них разница не двадцать один год, как у вас с Натальей Николаевной, а на все двадцать пять. Но я никого не осуждаю. Вы самый молодой, а она – единственная.

Полозов. А я осуждаю и считаю подобные речи глупыми и непристойными.

Трапезников. Макрон так не считает, женился – и всё.

Полозов. При чём здесь Макрон?! Во-первых, я разговаривал не с губернатором, а во-вторых, губернатор – она замужем, у неё муж генерал ФСБ.

Трапезников. После президента Макрона это несущественно.

Полозов. Прекратите, что за чушь вы несёте?! И главное, с чего это вдруг и почему?

Трапезников. Потому, Дмитрий Тихонович, что вы меня упрекнули, будто я вам навяливаю сестру. И меня просто зуд охватил выказать обиду потому, что никого я не навяливаю.

Полозов. Уступая зуду, вы почесали сейчас своё ухо вот так. *(Чешет себе левое ухо правой рукой через голову.)* Я принял обиду, но в другой раз, Лев Арнольдович, потрудитесь найти более удобное время и способ.

Трапезников. Очень тяжёлая неделя была, а сегодняшний день – вообще кульминация!

Полозов. Я для того и попросил зайти. Вы сами говорили,

что вы мой лучший друг, и я не отрицаю. Как вы оцениваете встречу с представителями СМИ и выпускниками наших вузов?

Трапезников. Отличные вопросы и ответы. Около двух часов длилась встреча, а так бы сидел и сидел, слушал и слушал. Вы, Дмитрий Тихонович, всегда говорите обдуманно и веско. Я восхищён!

Полозов. Что лично для себя выделили, что больше всего впечатлило?

Трапезников. Лично меня впечатлили пять основных задач, которые вы озвучили: молодёжная политика, улучшение качества жизни, привлечение инвестиций, здравоохранительная реформа и строительство дорог. Анна Арнольдовна Соловьёва (я говорю о ней как о посторонней) просто в восторге, загорелась вся, здравоохранение – её конёк.

Полозов. Хорошо, что вы о ней заговорили, такие энтузиасты, как она, как раз первыми и возьмутся за реформы, за их продвижение в жизнь.

Трапезников. У меня тоже есть предложение по реформам. Вы, Дмитрий Тихонович, озвучили пять основных задач, может, и группу двойников создадим из пяти человек?

Полозов. Зачем?! Нет никакой связи. Наоборот – целыми днями сижу со службами, где бы что ужать. *(Шумно вздыхает.)* Учителей общеобразовательных школ не можем обеспечить достойной зарплатой – «денег нет, но вы держитесь!».

Пауза.

Лев Арнольдович, хочу ваш пиар-отдел оптимизировать, оставить из двойников кого-нибудь одного, например «Извращенца». Я ему даже за рвение в работе бонус пообещал.

Трапезников. Ну, я не знаю, Дмитрий Тихонович, –

оптимизируйте.

Пауза.

Но если, например, президент Соединённых Штатов Трамп наобещал, а теперь не выполняет, то у него поддержка и у американцев, и во всём мире рекордно слабая.

Полозов. Не понимаю, что это вы сегодня в мировом масштабе?! Спуститесь на родную землю.

Трапезников. Потому что вы сами говорили – всё в мире заочно связано.

Полозов. Да, связано, но не настолько – мы суверенная держава. То Макрон, то Трамп...

Трапезников. Про Макрона сейчас ничего не говорил. Вы намекнули – не надо, и я не стал... Но если честно – и у Макрона за последний месяц поддержка упала на десять процентов.

Полозов. Слушайте, вернитесь на землю. Тем более я не сказал, что двойников надо увольнять сегодня, сейчас. Это мой ответ на ваше предложение – увеличить их до пяти. Оптимизировать будем постепенно, а пока они помогают мне. Личное моё присутствие вдохновляет тружеников на новые производственные достижения. И этого отрицать нельзя – это факт. Кстати, вы посмотрели дизайн мастерской агента 04?

Трапезников. Он сказал, что переделывает дизайн и показывать мастерскую не готов. Мол, прежний дизайн видела Роза Карабаева, и если что-то выбрала для кабинета – спросите у неё.

Полозов. Вы звонили ей?

Трапезников. Да, сразу. Поначалу она смутилась, подумала, что вы ей звоните. А когда разобралась – как-то неестественно повеселела, стала сыпать комплименты агенту 04. Говорит, испытала потрясение, катарсис от его умения видеть в

на скальном рисунке сегодняшний день, а в сегодняшнем – супердревние истоки.

Полозов. Стало быть, предпочтения пришлись по вкусу.

Трапезников. Ей запомнился тандем из раннего палеолита, с какими-то очень большими символами. И ещё то ли блогер-копыеносец с летающими крылышками. То ли летающий автомобилист.

Полозов. Надо было попросить эти рисунки у агента 04.

Трапезников. Просил. Он отказал. Сослался на вас, что любое упоминание о летающих автомобилистах – стихийная оппозиция.

Полозов. Я понимаю, о чём речь. Не даёт – и не надо. Теперь и ему за отказ – никаких бонусов. Отставим разговор.

Трапезников. Я не против отставить, но, по-моему, Роза Карабаева каким-то образом знала наших двойников в обычной жизни.

Полозов. Она красавица, в неё с первого взгляда все влюбляются – не паникуйте. Как обстоят дела с сегодняшним мероприятием. На чём остановились – новоселье или ресторан «Сибирь»?

Трапезников. Я предлагаю и то и другое. Сегодня – новоселье. Своеобразная репетиция. Соберётся узкий круг, председатель заксобрания уже подобрал десять активистов. Нас из администрации столько же. Аня пригласит каких-то своих коллег: у них в крайбольнице очень развита самодеятельность – певуньи. Они же и обслуживать будут гостей в национальных нарядах. Из филармонии пригласили двух солисток и баяниста-виртуоза. Из драмтеатра – знаменитого нашего чтеца. Вы, Дмитрий Тихонович, кого-то лично пригласите – прокурора, судью, какого-нибудь генерала. Генералы и прокуроры, особенно прокурорши, очень

хорошо смотрятся на таких мероприятиях – прямо с работы, в форме. Человек тридцать – тридцать пять, от силы сорок, а больше и не поместится.

Полозов. Журналисты будут?

Трапезников. Журналистов не будет. Пусть переварят сегодняшнюю встречу.

Полозов. С чего начнёте – самое начало действия?

Трапезников. Как только все рассядутся – чтец из драмтеатра. Отличный голос, как у Левитана. Начнёт зачитывать правительственные телеграммы. Главное не содержание, а то, что они правительственные.

Полозов. Нет-нет, там есть две телеграммы от министров с очень хорошим текстом о дружбе и сотрудничестве. Не знаю, но голос Левитана будет напрягать. Дружеские телеграммы – это же не сводки Информбюро?!

Трапезников. Учтём – некоторые телеграммы зачитает сам председатель заксобрания.

Полозов. Допустим, телеграммы прочитаны – дальше?..

Трапезников. Ещё не прочитаны. Читается последняя телеграмма, и тут появляюсь я – заведующий пиар-отделом главы администрации края. Обязательно в приподнятом настроении, обязательно в кипе, брат виновницы торжества, брат главврача краевой больницы (всем давно известно, что лучшие врачи в мире в основном евреи), и взволнованно сообщаю: «Телеграмма от Верховного!» Зачитываю телеграмму, радостно аплодирую, аплодисменты подхватывают гости. Я предлагаю открыть шампанское, наполнить фужеры и произношу короткий импровизированный тост за виновников торжества: Анну Соловьёву и Дмитрия Тихоновича Полозова, за чудесное совпадение дат – ста дней губернаторства и новоселья.

Полозов. Разрешите, Лев Арнольдович, я продолжу: и *(выдерживает многозначительную паузу)* – помолвка свершилась.

Трапезников. Вы – против?!

Полозов. Да я не против, я уже и на помолвку согласен. Как говорил президент Ельцин, тут есть одна «загогулина» – нет телеграммы от Верховного.

Трапезников. Если сегодняшнее новоселье не вызывает возражений – «загогулина» у меня в кармане *(достаёт вчетверо сложенный лист бумаги, подаёт губернатору)*, завтра будет подлинная телеграмма от Верховного, примерно с подобным текстом.

Полозов *(читает вслух)*. «Дорогой Дмитрий Тихонович! Ваша целеустремлённость, настойчивость и преданность делу процветания России снискали заслуженное уважение среди коллег. Сто дней – это только начало пути. От всей души желаю вам творческих успехов в труде, счастья в личной жизни! Президент Российской Федерации». О-о! Здесь ещё P. S., продолжение следует: «Надеюсь побывать на вашей свадьбе, дружески посидеть за чаем». Это что за намёки?! Он спортсмен, дзюдоист!

Трапезников. Я по-всякому думал. «Испить чашечку чая» – чересчур утончённо. «Выпить» – тоже намёк. «Похлебать чаю» – вообще ни к селу ни к городу? «Посидеть за чаем» – и точка.

Полозов. Лев Арнольдович, вы что, сами написали телеграмму?!

Трапезников. Нет. Только P. S., продолжение следует.

Полозов. Слушайте, Лев Арнольдович *(с каменной строгостью)*, немедленно уберите «продолжение...»!

Трапезников. Считайте, что уже убрал.

Полозов. А теперь о так называемой телеграмме от Верховного... Кто писал? И почему такая уверенность, что завтра

получим её из Кремля?

Трапезников. Дмитрий Тихонович, вы прекрасно знаете, что президент в очень-очень редких случаях сам пишет поздравительные. В стране только одних губернаторов больше восьмидесяти человек, а ещё знаменитые спортсмены и спортсменки, и вообще текущая государственная работа. Позволю сравнить с вами – его, как и вас, просто не хватает на всё. Он как-то говорил вундеркиндам из «Сириуса» (по телевизору показывали), что бывают дни, когда до того устаёт, что предел мечтаний – добраться до кровати, чтобы хоть чуть-чуть отоспаться.

Полозов. Лев Арнольдович, попрошу без сравнений, конкретно – кто писал телеграмму и почему вы уверены, что завтра получим её из Кремля?

Трапезников. Подобного рода телеграммы, Дмитрий Тихонович, вы сами знаете, пишутся в любой администрации спичрайтерами, референтами даже не первого порядка. Моя знакомая в Москве, она подруга подруги дочери, дальше я умолкаю.

Губернатор задумчиво встаёт из-за стола, по обыкновению машинально расставляет стулья.

Полозов. Хорошо, что представитель президента по нашему округу сейчас в Москве, а то бы отменил всё. С другой стороны, здесь, в узком кругу, да ещё на новоселье родной сестры допустимы пикантные ситуации, назовём это так. Если придётся – лично буду разбираться. Вынесу вам строгача, и всё перемелется – человеческий фактор. А вот в Москве – не знаю.

Трапезников. И в Москве точно так же. Между собой разберутся и замнут. Тот же представитель президента не станет из мухи слона делать, докладывать Верховному о такой мелочи.

Полозов. Вижу, Лев Арнольдович, вы очень «высокого мнения обо мне» (*руками показывает кавычки*), но тогда зачем весь

этот сыр-бор?

Трапезников. Дмитрий Тихонович, вы неправильно истолковали. Если они начнут разбираться в Москве, то вы от этого только выиграете. Это я говорю как начальник пиар-отдела. Потому что Верховный всегда учитывает человеческий фактор. В конце концов, самый молодой губернатор, неженатый, захотел просиять перед... *(Замялся.)*

Полозов. Перед хозяйкой новоселья, талантливым врачом.

Трапезников. Вот именно. Нет ничего предосудительного, наоборот, кремлёвская телеграмма помогла самому молодому губернатору просиять там, где никто не ждал. И слава богу!

Полозов. Лев Арнольдович, теперь я понимаю, откуда «растут ноги» вашей приписки – «дружески посидим за чаем». Вы слишком высоко ставите сети. Как бы всем нам не пройти под ними на известную президентскую «спецпосадку». Ну да ладно – уберите «продолжение следует» и действуйте по сценарию. Имейте в виду, что добро даю только ради Анны Арнольдовны. Завтра – будет завтра. А надо жить сегодня, сейчас. Кто не рискует, тот не пьёт шампанского.

Зуммер. Входит секретарь – она же спичрайтер и референт – Старикова Альбина Яковлевна.

Старикова. Ещё шесть поздравительных писем пришло на электронную почту. И одна телеграмма – правительственная. *(Отдаёт почту губернатору, тот погружается в чтение.)*

Трапезников. Альбина Яковлевна, правительственная – из Москвы?

Старикова. Из Великого Новгорода.

Полозов *(поднимает голову)*. Разговаривайте, вы мне не мешаете.

Старикова. Лев Арнольдович, я познакомилась с вашей

Аней. Она у вас удивительная – не побоялась работать в такой глухомани.

Трапезников. А куда денешься – безотцовщина. Некоторые не понимают (*посмотрел на губернатора, читающего поздравительные письма*), а я всё-таки старший брат.

Старикова. Было очень приятно – она лично пригласила меня на новоселье, но я из-за наплыва переписки просто вынуждена отказаться.

Полозов (*закончил читать, говорит удовлетворённо и весело*). Губернатор Новгородской области до меня был самым молодым губернатором – пришлось потесниться. Альбина Яковлевна, всех, кто прислал телеграммы и письма, от моего имени поблагодарите. И по обычному порядку копируйте, дублируйте и передавайте Льву Арнольдовичу – вся ответственность за мероприятия по поводу ста дней на пиар-отделе.

Старикова. Дмитрий Тихонович, в таком случае задержусь, а после буду осуществлять связь автономно – из дому через государственный компьютер.

Полозов. Не возражаю. Отгулы приплюсуете к отпуску – потом отгуляете.

Старикова уходит.

Что по мероприятию в «Сибири»?

Трапезников. Там никаких проблем. Начало мероприятия завтра – в 12:00. Сто дней – сто персон. Ведущие бизнесмены края всё взяли на себя. У них одна забота – чтобы столики были поближе к номенклатурным работникам ФСБ, прокуратуре, судьям, МЧС, полиции и так далее и так далее.

Полозов. Ну, это понятно. (*Задумался.*) Обязательно пригласите журналистов из пула администрации. Всё равно

проникнут. Их не отгонишь. В погоне за сенсацией начнут в окна заглядывать, кто-нибудь из бельэтажа упадёт прямо на обеденный стол. *(Усмехается.)* В «Сибири» есть бельэтаж?

Трапезников. Есть над общим залом полубалкон, в торцевой части, как раз над вашим девятиместным столом. Но эксцессы исключены. Сотрудники ресторана позаботятся. Вход – по пригласительным.

Полозов. Кстати, кто за моим столом?

Трапезников. Как обычно, высший цвет власти.

Полозов. Нет-нет! Давайте за мой стол активистов здравоохранения, образования, бизнеса, и побольше из молодых. Из пяти основных – первая задача какая?

Трапезников. Молодёжная политика.

Полозов. Давайте продвигать молодёжь.

Трапезников. Может быть, скажу не к месту, но после новоселья Аня точно не пойдёт в «Сибирь».

Полозов. И я её понимаю. Две «помолвки» *(опять руками показывает кавычки)* – даже для меня много, но я губернатор – сто дней, а её зачем утруждать?

Трапезников. Полностью согласен.

Полозов. Агентов пригласили?

Трапезников. Пригласил. Без грима, как простых людей. Какое-никакое участие в ваших ста днях они принимали.

Полозов. Не возражаю – только подальше от моего стола. Обязательно Карабаеву пригласите.

Трапезников. Пригласил. Она изъявила желание сидеть за столиком на четверых – вместе с агентами-двойниками.

Губернатор откинулся на спинку кресла. Он видит, что начальник пиар-отдела внимательно исподволь наблюдает за ним.

Полозов. Пусть Роза Спиридоновна сидит с кем хочет. С

ними – так с ними. И не паникуйте! Завтра главными будут не они и не она. А вот эта ваша «загогулина»! *(Подает начальнику пиар-отдела так называемую телеграмму от Верховного.)*

Занавес.